

И. Ф. Кефели¹

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ГЕОПОЛИТИКИ

Геополитический анализ цивилизационного мироустройства, в отличие от культурологического, определяет в качестве акторов мировой политики гецивилизации, которые группируются между центрами силы на геополитической карте современного мира. Гецивилизации предстают как носители и хранители символического капитала культуры, формирующие многоликую мировую цивилизацию. В философии геополитики гецивилизации рассматриваются в качестве акторов современной мировой политики наряду с другими акторами: государствами, межправительственными и неправительственными организациями, транснациональными компаниями и др. Глобальная геополитика, становление которой инициировало формирование философии геополитики как направления политической философии, в отличие от классической, предполагает отход от силовых принципов регулирования международных отношений².

Основа диалога, процветания и развития цивилизаций — в их геополитическом единстве. На мировой арене рождались и исчезали империи, государства, цивилизации, но этническое и духовное ядро последних сохраняется в современных гецивилизациях. На протяжении XX века наметилась тенденция усиления зависимости геополитических сил от межцивилизационных взаимоотношений. Последние к концу XX века оцениваются как столкновение цивилизаций (С. Хантингтон). Современные цивилизации (западная, славяно-православная, китайская, японская, исламская, индуистская, латиноамериканская, тропическо-африканская) достаточно четко коррелируют с геополитической картой мира, на которой просматриваются центры силы. В действительности центрами силы в современном мире выступают США, Западная Европа, Япония, Россия, Китай, Индия, страны мусульманского мира, которые определяют глобальную политику.

Понятие локальной цивилизации (в нашем случае — гецивилизации), сопоставимое с понятием мировой цивилизации, фиксирует закреплённость той или иной гецивилизации за определенным регионом земного шара (например, африканская или японская гецивилизации) или ее распространение по различным континентам (западная или исламская гецивилизации). Поэтому проблема геополитической принадлежности цивилизации тесно связана с проблемой соотношения центра цивилизации и ее периферии, религиозной принадлежности и вариантов государственного устройства.

Очевидно, вопрос об этническом составе гецивилизаций, их конфессиональной принадлежности, политической структуре и социокультурной динамике не может быть окончательно решен, а поэтому не существует однозначной классификации гецивилизаций и границы между ними. В данном случае следует обратить внимание на

суждения Б. С. Ерасова, который в связи с этим отмечал стремление геополитики к цивилизационной символике. В цивилистике, понимаемой как свод различных школ и учений, цивилизация понимается прежде всего как сфера социокультурного и духовного устройства, а территория и политическая организация — как предпосылки такого устройства.

Следуя логике рассуждений Ерасова, можно утверждать следующую эмпирически установленную закономерность: «Чем более развита цивилизация, тем меньше ее географическая привязанность». По этому поводу Б. С. Ерасов, полемизируя с С. Хантингтоном, делает справедливое замечание относительно того, что отношения между цивилизациями не могут быть сведены лишь к столкновениям, конфликтам и противостояниям (что утверждает Хантингтон). Напротив, эти отношения основаны прежде всего на взаимодействии в сфере высокой культуры, точнее — в сфере высокой политики. Конфликты возникают между государствами, конфессиями, претендующими на духовную власть над людьми, этносами, имеющими свою историю и притязаниями на определенное местообитание (свое или других этносов) и т. д.

Поэтому для исследования необходимо разделять единство и борьбу противоположных начал, присущих факторам и пластам истории: этнических, конфессиональных, государственных, геополитических, которые в своем единстве свойственны как отдельным гецивилизациям, так и мировой цивилизации в целом. Социокультурные структуры гецивилизаций организуют духовное пространство, «раздвигая и упорядочивая ценностные объемы бытия», обеспечивая ее «манацию» и миграцию в другие географические регионы, а геополитическая динамика фиксируется в политической организации пространства над территорией³.

Основа диалога цивилизаций — норма, а не сила. Думается, что в становлении нового мирового порядка, определяющего устройство мировой цивилизации, следует выделить два направления развития гецивилизаций и их принадлежности к полюсам силы. Первое направление — формирование многополярного мира, нейтрализующего мировую гегемонию США, которые претендуют на господство в однополярном мире. В философии геополитики такими центрами многополярного мира признаются гецивилизации, образующие устойчивую мировую геополитическую систему и сохраняющие социокультурные структуры, ментальные характеристики каждой цивилизации.

Второе направление связано со сменой парадигмы мирорегулирования в утверждающемся многополярном мире — от главенства силы в международных отношениях к главенству нормы — моральной и юридической. Переход от однополярного мира к многополярному еще не обеспечивает смену силы нормативным регулированием, а заменяет одну силовую конструкцию другой, еще более

¹ Заведующий кафедрой культурологии и глобалистики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург), главный редактор журнала «Геополитика и безопасность», доктор философских наук, профессор.

² См. подробнее: Кефели И. Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб., 2004; Он же. Философия геополитики. СПб., 2007.

³ Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 94–98.

сложной и запутанной, поскольку снижает ответственность каждого полюса силы.

В теории международных отношений под силой и ее проявлением в мировом сообществе понимается способность государства влиять на поведение другого государства в обеспечении собственных интересов. Различаются экономическая, финансовая, научно-техническая, информационная, военная, политическая и другие виды силы. Нормы, в отличие от силы, представляют свод правил поведения государств на международной арене. В процессе реализации эти правила проходят ряд фаз своего утверждения. Сначала они появляются как действующая норма, потом становятся установленной (согласованной) практикой; далее правила обретают статус моральной нормы и лишь после этого кодифицируются в юридическом документе, получая статус правовой нормы в системе международного права.

Из сказанного выше следует, что нормативное мирорегулирование все более явно обнаруживает свою эффективность по сравнению с мирорегулированием силового порядка. Ю. П. Давыдов аргументирует это следующим образом. Во-первых, сила отражает возможности, интересы одного мощного государства или группы государств, тогда как норма — интересы и возможности всего мирового сообщества или его наиболее влиятельной части. Во-вторых, норма как категория международных отношений более устойчива и стабильна, нежели сила. В-третьих, как следует из предыдущего положения, норма — более предсказуемый и демократичный феномен, нежели сила. В-четвертых, сила есть орудие как созидания, так и разрушения, причем в непредсказуемых масштабах. Норма же не способна к разрушению, ею можно пренебречь, проигнорировать и изъять ее из обращения¹.

Из этих рассуждений следует сделать вывод о том, что глобальная геополитика, в отличие от классической, в своих методологических основаниях должна ориентироваться на нормативное мирорегулирование. В этом проявляется необходимость международно-правового регулирования геостратегии и геэкономии как ведущих компонентов глобальной геополитики, которая, в свою очередь, рассматривает геочивилизации в качестве акторов международных отношений и мирорегулирования. По сути, в русле этих двух направлений становления нового мирового порядка происходит формирование политического пространственно-временного континуума цивилизационного мироустройства.

В диалоге цивилизаций раскрывается смысл геополитической истории. Предметом философских размышлений выступает смысл геополитической истории, геэкономических и геостратегических устремлений мировых центров политической и экономической силы. Рассуждения о мировом правительстве, преследующем тайные цели, обуславливают вопрос, какие неведомые силы разрывают наш мир на процветающее меньшинство и беднеющее большинство? Каков смысл дальнейшей поляризации мира, борьбы или консолидации геочивилизаций, устойчивого развития человечества и т. д.?

На любом этапе развития человечество ставит перед собой определенные цели и придает смысл своей деятельности, направленной на достижение этих целей. В цели заключается результат человеческой деятельности, но смысл шире цели, поскольку смыслу присуща внутренняя логика, которую познающий субъект представляет как некий «идеальный план», выражающийся в осмыслении всех этапов исторического развития социальной действительности. Поэтому можно утверждать, что нам стано-

вится понятен смысл (геополитической) истории, тайных и явных социальных интересов и целей.

«Смысл истории» получает более точное выражение — как «смысл исторической деятельности». Осмысленной оказывается прежде всего та деятельность, которая согласуется с исторической необходимостью, но она непременно включает свободу, реализующуюся в творчестве, созидании материальных и духовных ценностей, составляющих богатство человеческой культуры. Философская рефлексия, как отмечал К. Ясперс, содержит притязание «обрести смысл жизни поверх всех целей в мире — явить смысл, охватывающий эти цели, — осуществить, как бы пересекая жизнь, этот смысл в настоящем — служить посредством настоящего одновременно и будущему — никогда не низводить какого-либо человека или человека вообще до средства»².

Результат диалога цивилизаций — глобальный этос и глобальная культура. Этос, понимаемый как сложившийся в процессе деятельного существования устойчивый нрав человека, а также социальная общность, рождающийся в процессе совместной деятельности, представляет ценностно заданное единство общественной жизни. Этос характеризует человека и социальную общность с точки зрения единства их ментальных черт, привычек, образцов поведения, которые проявляются в повседневной культуре. Возникает вопрос: может ли сформироваться глобальный этос, понимаемый как продукт диалога культур, в ходе которого формируется единая общечеловеческая (глобальная) культура?

В данном случае прав, на мой взгляд, А. А. Гусейнов, утверждающий, во-первых, что идея диалога культур (в отличие от их конфликта, столкновения) является замаскированной и мягкой формой противостояния духовной агрессии Запада и, во-вторых, что глобальный этос обретает зримые черты в текущем опыте интенсивных международных и межкультурных взаимодействий на основе диалога. Причем глобальный этос формируется не вместо национальных форм бытия человека, а над ними — как следствие глобального синтеза.

А. А. Гусейнов обращает внимание еще на один сюжет глобального синтеза: и западный, и восточный сценарии глобального общества лишены философско-исторической глубины и перспективы. Западный сценарий ориентируется на количественное увеличение, улучшение, расширение того, что есть, в рамках общества массового потребления: увеличение продолжительности жизни, улучшение экологии, повышение комфорта быта и т. д. Восточный сценарий, реализующийся в первую очередь в китайской цивилизации (речь идет о социально-политических целях и идеалах, воплощенных в государственных программах), ориентируется на ускоренное развитие с целью «догнать» Запад.

И в том и в другом случае научно-технический прогресс и технологические утопии вытесняют из социального бытия человеческую утопию. Поэтому эти сценарии начинают утрачивать свой исторический смысл, поскольку лишены вдохновляющей человеческой утопии и демонстрируют угасание социального проекта индустриальной цивилизации. Это угасание связано с такими глобальными феноменами, как экстремизм, терроризм, наркомания, психозы, СПИД и тому подобным, что является следствием потери смысла жизни.

А. А. Гусейнов считает, что подобная ситуация отнюдь не означает, что время утопий закончилось, но изменился их характер. Утопия уже не может быть столь фантастичной, как прежде, а должна быть представлена в проективной форме, обретая универсальный характер и возвращая

¹ Давыдов Ю. П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М., 2002. С. 51, 85, 114.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории : пер. с нем. М., 1991. С. 500.

нейшим технологиям и научно-рациональной организации жизни утерянный витальный смысл¹. Притязания религии на свершение «гуманной революции», по мнению А. Тойнби, могут помочь в решении проблем, порожденных бурным ростом научного знания, автоматизацией, техногенной цивилизацией.

А. Тойнби дает расширительное толкование религии, выделяя в ней такие формы, как вера в научный прогресс, национализм и коммунизм, которые на Западе были вызваны к жизни «отступлением христианства в XVII столетии». Тойнби, определяя религию как отношение к жизни, которое обуславливает возможность справиться с трудностями человеческого бытия, полагает, что ее будущее заключается в сохранении новой цивилизации и предоставлении возможности человечеству превзойти зло. Речь идет о зле, которое несет угрозу человеческому выживанию: алчность, войны, социальная несправедливость, искусственная окружающая среда. Поэтому будущее, как полагает ученый, — за «правильной религией», которая должна вернуть человечество к пантеизму, вновь обрести «уважение и внимание к достоинству нечеловеческой природы», «святость всей природы»².

По сути, здесь идет речь об идеологии глобального гуманизма, то есть об идеологии, которая порождается современной социокультурной ситуацией: человеческая деятельность, культура во всех проявлениях все более ориентируются на выживание человека в окружающей среде.

Идеология эпохи Просвещения выражала пафос покорения сил природы и человека: прометеевский дух этой идеологии привел технологическую цивилизацию к антагонистическому противоречию с природой. Постмодернистская инверсия этой идеологии, с одной стороны, сохраняет изначальную интенцию «покорения», обретая форму манипулирования сознанием массового человека, ориентированного на необузданное потребление материальных благ. С другой — обретает контуры рассмотренной выше идеологии глобального гуманизма, которая строится на диалоге культур, отказе от идеологии эгоцентризма и социал-дарвинизма и должна ориентироваться на возрождение социалистических ценностей, выстраданных человечеством и впервые реализовавшихся в нашей стране.

Социальный проект будущего не может создаваться только на основе вдохновляющей человеческой утопии, о чем писал Ф. Энгельс в работе «Развитие социализма от утопии к науке». Для этого нужны новые открытия в социальном знании, подобные принципу материалистического понимания истории и теории прибавочной стоимости. Реализация русского проекта прорыва в будущее, учитывающего цивилизационную и геополитическую самодостаточность и целостность современной России, стоит на пороге новых открытий в социальной науке. Философия геополитики с полным основанием может включиться в разработку мировоззренческих и методологических обоснований этих открытий.

¹ Гусейнов А. А. О возможности глобального этоса // Диалог культур в глобализирующемся мире : мировоззренческие аспекты / под ред. В. С. Степина, А. А. Гусейнова. М., 2005. С. 179–186.

² Тойнби А. Диалог Тойнби–Икеда. Человек должен выбрать сам. М., 1998. С. 375–380, 386.